

Г.В. Калиткина

ДИАЛЕКТНЫЕ СЛОВАРИ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК: ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ ТРАДИЦИИ (Статья 2)¹

Диалектные словари представляют собой гипертекст традиционной культуры. Комплекс среднеобских словарей позволяет реконструировать отдельные звенья традиции и проследить ее деформацию в XX в.

Диалектные словари позволяют проследить и деформацию питейной традиции, происходившую в Среднем Приобье в течение XX в. Типичная тактика бесед диалектологов с крестьянами-информантами и построение экспедиционных вопросников провоцировали прежде всего ретроспективный дискурс: старожилы описывают историю своей жизни, а также быт, характеры и нравы односельчан, увиденные через призму мироощущения и системы ценностей, актуальных в текущий момент [1]. Для текстов ретроспективного дискурса характерна рефлексия информантов по поводу изменений окружающей среды (*Грибов раньше много было, ягодов, земляники* [ЯГОДА, VII]²; *В нашей же, в этой протоке чё был шишук, тайменей, нельмы, сига – таперь и звдня нету* [ЗВАНИЕ, VII]), материальной культуры (*Протуваров мало уж таперька* [ТЕПЕРЬКА, VII]; *Большинство отвыкли таперь от лошадей* [ТЕПЕРЯ, VII]), социальных отношений (*Таперь легистрируются, а раньше венцы надевали* [ТЕПЕРЬ, VII]; *В армии унтера были, а счас стержанты, а тогда унтера были* [УНТЕР, VII]), языка (*А кладовку тогда «чуланом» называли* [ТОГДА, VII]; *Её таперь ромашку зовут, а мы никак не звали* [ЗВАТЬ, 4, VII]) [2].

Значительная доля подобных текстов приходится на описание деформации питейной традиции, произошедшей при жизни информанта. Подчеркнем, что рассказчик при этом не связывает себя какой-либо датировкой прошлого, в котором старожилы опирались на неискаженную традицию, – это время осмысливается как некое неопределенное «раньше, тогда». Точно так же неясной остается глубина временного среза, называемого «сейчас, таперь, нынче», когда традиция приобрела совершенно иное содержание: *Ранешни-то года всё равно мало было вина. Это уж распустили... а раньше не хватало даже, пьяницам-то* [РАСПУСТИТЬ, 3, VII]; *На Петров день долго гуляли. Весело было. И пьяных-то никого не было видно. А счас-то складьинь сделают да напьются* [СКЛАДЫНЬ, VII]; *В старину больно гуляет, но таких хулиганств и таких пьянок не было. Ни за боже мой* [НИ ЗА БОЖЕ МОЙ, V]; *Выпивки – почти никто не пивал. Вот, я помню, у нас тогда шибко таких-то пьянок вот и не было. Конфеты, пряники накупим, но чтобы пьянка – нет* [ПЬЯНКА, VI]; *Тогда как-то угошиались... покультурному. Даже не пили так, чтоб стаканьями, были вот рюмочки так, женски-то считались, а мужикам давали, конечно, уж стопки, побольше пили* [ПИТЬ, 2, VII]; *Так не пили. А счас добрался – набрался* [НАБРАТЬСЯ, III]; *А таперь люди такие. А что не жисть. И легко, и хорошо. Все пьют, подурели они, что*

ли? И тракторист, и машинист [ТРАКТОРИСТ, IV]; *Все пьют, это что за срам?* [ЧТО¹, VI]; *Это ведь редко по деревне найдёшь, чтобы не пьянствовал* [ЧТОБЫ, VII]; *А всяки пьют, да тут вина не могут навозиться, это чё тако* [НАВОЗИТЬСЯ, VII]; *Ну, счас, конечно, дисциплины нету: вот эта пьянка, наркотики да всяки-разны* [НАРКОТИКИ, VII]; *Свиньи же они нынче! Привыкли пить* [СВИНЬЯ, 2, VIII]; *Токо народ избаловался, пьют вино пьяницы, не дай Бог пьяницы!* [ПЬЯНЧУЖКА, IV]; *Пушище вино пить* [стали] [ПУЩЕ, 1, VI]; *Сейчас все обнаглели, все пьют, живут все хорошо, денег получают помногу* [ХОРОШО, 5, VI]; *Жисть хороша. Только на кулак слёзы мотают. Вся жисть поставлена на вине* [КУЛАК, V]. Несогласие с подобным мнением представлено в словарях единичными контекстами: *Раньше были пьянчуги тоже, что запивались* [ПЬЯНЧУГА, III].

Анализируя данную деформацию, вначале коснемся тех аспектов, которые отнесены в статье 1 к конститутивным чертам традиции. Во-первых, дозволенность/недозволенность алкоголя поддерживала и объективировала древнейшую оппозицию сакрального и профанного времени, пронизывающую все элементы традиционной культуры. Однако к последней трети XX в. годовой цикл в значительной мере утратил оппозитивность составляющих его отрезков времени, чему способствовал ряд факторов, в том числе и постоянная дозволенность алкоголя. Спиртное стали пить не только в профанное время, но и в сельскую страду. «Нивелировка» времени характерна и для суточного цикла: пьянство сделалось нередким явлением в дневное, то есть рабочее время: *Покров ещё быват – выпьем. [А] таперь как чуть, так выпиваем* [ВЫПИВАТЬ, IV]; *Складьиню как соберутся, выпьют, а мне некогда* [СКЛАДЫНЯ, I]; *В воскресенье кажное пьянство: то складчанку, то пол-литру купят* [СКЛАДЧАНКА, II]; *Что вы, разве в рабочее время пили раньше? Мне счас и в голове не помещается* [ПОМЕЩАТЬСЯ, VIII]; *А счас погляди: ждём с работы ись, а он идёт, как свинья, пьяный* [СВИНЬЯ, VII]; *И пьёт, и на работе, штаны болтаются, двужилый какой-то* [ДВУЖИЛЬНЫЙ, VIII].

Во-вторых, почти полностью исчезли возрастные ограничения, охранявшие в традиционной культуре не только моральные устои, но и физическое здоровье молодежи: *Кака деревня была? Нет, не така. Не скажу, чтобы лучше жили, но пили меньше, а счас налукаются и по улице шардишутся: ни народу, ни кого не видят. Идут, шары зальют. Это молодь-то* [ШАРЫ, III]; *Счас хоть и жисть лучше пошла, а разврату та-*

кого не было: *вчера́сь молодёжь пьёт вино*, а раньше не пил. А сейчас – водкой заливаются [ЗАЛИВАТЬСЯ ВОДКОЙ, III]; *Молодёжь стал водку пить*. Девочки пошли по деревне, гуляют [ВОДКА, VII].

В-третьих, глубокая деформация традиции связана с утратой гендерных ограничений, иными словами, с пьянством женщин. Иллюстративные тексты словарей фиксируют разные стороны этого явления:

1) непосредственно факты привычного употребления алкоголя женщинами независимо от их возраста и социального статуса: *Девкам русску бражку подать Инкинску надоть*. Сёдня день бабий, выпьем ешио [БАБИЙ, III]; *Ведь раньше, Боже избавь, чтобы девочка вина выпила, а теперь чё, курят и пьют* [ВЫПИТЬ, 2, VI]; *Бабёнишка идёт*. Тьфу! Напилась [БАБЁНИШКА, VI]; *Эта бабочка пьёт да курит*. Вот жись! [БАБОЧКА, 1, X]; *Ой, чё творится, дак не дай Бог! Бабы-то пьют ешо*. От край дак край! [БЫЧИЙ, XI]; *Старуха уж была*. Ну и всё равно хоть старуха, да и не шибко стара она была. Ну и любительница пить вино была, вино любила [СТАРУХА¹, IV]; *Неделю целу пьёт старуха*, пенционерка, домой не хочет [ПЕНЦИОНЕРКА, VII]; *Жена моя лыка не вяжет* [ЛЫКО, X]; *Вот угодил: жёнушка така, подружков таких целу изба, напьются* [УГОДИТЬ, 6, VII]; *Он пришёл, гыт: «Чё мне делать-то? Коровы ревут, а баба напилась пьяна да валяются»* [БАБА, 3, VII]; *Мать была – напётся, на полу валяются, вся расохлёна* [РАСХОХЛЁННЫЙ, VI]; *У меня сношеница, она вино пьёт, выпьет – и с ей плохо*. Не пьяна. Не сопётся, а пить пьёт. По два дня гулят [СПИТЬСЯ, IV]; *Вот здесь есть одна, она фулюганит, она и пьёт*. Дак про её сказать нельзя – она придёт и задавит [ЗАДАВИТЬ, 2, VI];

2) безусловное осуждение женского пьянства со стороны носителей традиции: *Таперя больше пьянка... Ваи-то брат много стал пить: она стакан выпьет и не поморщится нектора*. А раньше, если женщина пьяна, то позор ведь был [БРАТ, III]; *Ну, мужуки пусть, а вот как женски пьют* [МУЖИК, 1, III]; *Пьют, и пьют, и пьют*. Мужчинам уж простительно, а женщины молоды запиваются [ПИТЬ, 2, VII]; *Это уж непростительно, женщине запится* [ЗАПИТЬСЯ, VI]; *Женщины всё больше пьют, ну и мужчины* [НУ И², VI].

В качестве собственно новой традиции, широко отражаемой среднеобскими словарями, следует отметить повсеместное изготовление самогона (браги), что воспринимается как норма жизни: *Чечас уж нет, чтоб кто пивса изладит: самогон гонят* [САМОГОН, IV]; *Мы сами гнали самогонку*. У меня семья больша была. Муж, сыновья были, – всем погулять охота [ПОГУЛЯТЬ, 5, VI]; *Вечером, где гонют самогонку, у них дым идёт* [ДЫМ, VII]; *Я пришла в магазин, а одна баба берёт тридцать пять бутылок этого сиропу*. Я говорю: «Ты куда это?» Она гыт: «Чечас, – гыт, – захреначу на целу флягу [бражки], теперь в бутылочки вилью – во!» [ЗАХРЕНАЧИТЬ, VI]; *Я говорю: «Ты заводила-то как, хороша была [брага]?»* Она гыт: «На все сто». [СТО, X]; *Привёз десять килограмм сахару, банку трёхлитрову – нагнал пятилитрову*. Вот сколько! Тут можно обпить! [ОБПИТЬСЯ, VII]; *Брагу изделали* – варенья были у меня, я варенья полила да, у

нас сестра была в гостях [ПОЛИТЬ, 3, VI]; *Вот Вера Прокофьевна – ох, она мастерица была гнать самогонку!* А от мама у меня не умела. А та прямо наладит, и бежит, как ручеёк [НАЛАДИТЬ, 6, VII]; *Ну, эта тётка Авдотья, царство небесное, гнала эту самогонку* [НЕБЕСНЫЙ, VII].

Гипертекст среднеобских словарей позволяет почти полностью восстановить технологию изготовления самодельных алкогольных напитков. Несмотря на то, что часть контекстов имеет отрывочный характер, совокупность их вполне информативна³: *Медовуха – это из мёду, полджь дрожжей, вот и медовуха* [ДРОЖЖИ, VII]; *У кого колодки, пчёлы, те мёд варют*. Вскипятят воск, воды туда. Когда остынет, тогда заквашивают дрожжами. Сладка она, медовуха [МЕДОВУХА, I]; *Медовуху варят*. Мёд вырезают и кладут в корчагу. Горячей воды налить и поставить в печку русску, сделается воциной. Воск сверху, вода снизу [ВОЩИНА, IV]; *Картошку наморозят ведра два, растолку её настолоть, а потом разводят, и это, хмель сварят, дрожжи – туда, в кадку* [НАМОРОЗИТЬ, VII]; *Вот ржаной муки ведро и картошек заморозишь ведро*. Это всё, киятку вильешь, размешаши, расхолодеш. Ведро дрожжей сваршишь хмельных [РАСХОЛОДЕТЬ, VI]; *Солод делаши, положут зерно – рожь, чтоб она проросла, а тоды на мельницу*. Солодец сладкий на квас. Сусло сладкое такое или пиво. Корчаги глиняны – солод туды [СОЛОД, IV]; *Бочки изюма накупают*. Сяяс брагой зовут, а тода «пиво». Хмеля положат туды. Корчага, туды сена накладывают и в печку пихают. Он уж солодет [СОЛОДИТЬ, VII]; *Наладиши её самогонку*. Наладиши её, – стоит, стоит, – тода она хороша была [НАЛАДИТЬ, 6, VII]; *Закинет всё, а потом процедиши всё в другую кадушку*. Цедят, обвязывают, киснет долго пиво [ПРОЦЕДИТЬ, IV]; *Раньше большаи чузуну были, покупали всё*. Корчаги были для хранения кваса. Корчага – большой чузун, на дне дырочка, затыкается палочкой. Рожь кладут, она прорастает, надо размолоть. Заваривают сусло сладкое, текёт бордовое, густое. Заваривают сусло, делают квас или брагу. Теперь эти корчаги не держим [КОРЧАГА, V]. *Кладёшь дрожжи и растворишь, и поставишь яйца, масло*. Царёво вино! [ЦАРЁВО ВИНО, V].

Еще одна сторона, связанная с распадом традиции, которая детально фиксируется в словарных иллюстрациях, – это **последствия пьянства**. Возникает пестрая картина физиологических, правовых, экономических и социальных отклонений от нормы. Информанты отмечают:

1) физиологическую реакцию организма на алкоголь: *Ох, с похмелья всю башку разломило!* [БАШКА, III]; *Варвара, я тебе не подаю-то вина, а то у тебя ешо голова заболит, плохо бы тебе не было бы* [ПЛОХО, 3, VI]; *Это наёмна хворость*. У меня за то голова болит, что я в Комаровой вина пила, а здесь – пиво, бражку [НАЁМНЫЙ, VIII]; *Из аржаного хлеба самогонку делаши*. Варил. Двое суток пили. **Переблевались** [ПЕРЕБЛЕВАТЬСЯ, III]; *Он молодежки был*. Как напошли, он свалился под лавку. Как блевал, так и **потерял зубы** [БЛЕВАТЬ, III]; *Сходит, выпьет да мимо сядет сундука-то* [ВЫПИТЬ, 2, VI]; *Ну и она пошла*. У Вере подпил. Да от неё до Георгия Димитрича пошла, там напилась. Нахлесталась так, что токо до ворот дошла и **упала**. И тим потеряла [НАХЛЕ-

СТАТЬСЯ, VIII]; *А я говорю: «Ну, бабёнки, ладно, давайте покамест по первой выпьете, а я пойду этой, свиноушке, дам [корм], а то, говорю, я выпью, так потом захмелею и забуду про неё [ПОКАМЕСЬ, 2, X]; Он, наверно, пьяный был? Ну, если свою картошку не узнал [КАРТОШКА, 4, VI]; Мой, бывало, так нахлещется, что еле **тащи́тся** [НАХЛЕСТАТЬСЯ, III]; Идёт пьяный, туда-сюда **качается**. Говорят: «Идёт, колесит» [КОЛЕСИТЬ, VIII]; Она пьяница, она уже **на носу ездит** [НОС, V]; Он с похмелья прям ходит не может... **сбельхиват** его [СБЕЛЬХИВАТЬ, VI]; Валентин пьяный. Я на него напахнул – его и вовсе **трясёт**. Ит меня напахнуло водкой, он весь **затрёсся** [НАПАХНУТЬ, VI]; Помнишь, когда я напился? В уматцушку пьяный был, первый раз **сознание потерял** [ПОТЕРЯТЬ, VII]; Нормального человека [взять], выпьет, и то уже... **шарики так не работают** [НОРМАЛЬНЫЙ, 2, VI]; У внучки моей муж пил-пил, да вот девочка родилась уж така красцвенька, а в голове яма, **без соображения совсем**, дурочка, однем словом [ГОЛОВА, VIII]; На него [пьяницу] смотришь, а он даже на человека не походит. **Дикий**. И действия его все дикие. **Человечество-то всё теряет**... Никто плохо никогда не говорит... Что вот, давай, жри, пей вино, твори чудеса. Все воспитывают. Откуда всё это наружу-то выплыват, чёрт его знает [ЧУДО, VI];*

2) травматические повреждения (вплоть до летального исхода), которые причиняет себе пьяный: **Напьётся пьяный и дикует**, один залез в воду и **утонул**. Дурной человек. Он разве не дикой – бегат ночью, стучится [ДИКОЙ, 2, VI]; **Сын тоже утонул** было, **выпимши** был [ВЫПИМШИ, X]; С парому упал парень, а был пьяный, и **утопился**. Вот тебе и утопленник [УТОПЛЕННИК, IV]; В Белом Яру сын жил, напился пьяный, **ушёл в болото** и умер [ХИМИК, X]; Отец ему говорил: «Что тебе плохо будет, то удавись...» Сын **пропил** всё, вплоть до ручки. Он **пошёл** не давиться, а **топиться** [УДАВИТЬСЯ, IV]; У нас один мужчина **повешался**. Бутылка заставила. Рюмка сгубила его [БУТЫЛКА, VIII]; Один от жизни **удавился**. Братовья были **ешиш**. С бабой жить не захотел. Это только вино **играт**. Дурность на себя напускают. Или не **хочут жить** [НАПУСКАТЬ, 3, VII]; И брат **удавился** с пьянки [ПЬЯНКА, 2, X]; Мужа много лет нету: **сгинул** где-то, **видать**, пьяным напился и **пропал** [СГИНУТЬ, X]; Отец тоже пил. Одне **наняли** его дрова пилить, а он одёжу не одел, **пошёл**, в марте, да не в тот проулк попал, **замёрз** [НАНЯТЬ, VII]; И он его и напоил, знаешь, какой из сахару делают перегон. Как, видно **хватил** – его и **за сердце поймало** [ПОЙМАТЬ, VI]; Белогорячка больше от водки. Пил-пил да и **белогорячкой и заболел**, так говорят же?.. Да **пошто** он горит? Дуряком делается, **бредит** [ГОРЕТЬ, 7, VI]; Помер у ней один, **с вина сгорел** Степан [СГОРЕТЬ, VI]; Половина здесь **похоронено**. **Всё с вином** [С, 14, VI];

3) хулиганские действия и преступления, совершаемые в состоянии опьянения: **Тогда меньше убийства было**, а **счас нажрутся пьяные**, да и **давай драться до смерти** [НАЖРАТЬСЯ, 2, X]; **Нажралси вина да раздиковалси** [РАЗДИКОВАТЬСЯ, I]; Они там с зятем, с **шестриным** мужем, **напьются пьяны**, совет не брал, **до драки** дело **доходило** [БРАТЬ, VI]; **Напьётся** – так

как **ошшелет**. И **глаз было выкопал** [жене], и так **бьёт** её, **Гальку-то, ага** [ОЩЕЛЕТЬ, XI]; А зять как выпьет, так и **начинает копытить** [КОПЫТИТЬ, V]; **Куражливый** – когда **напьётся**, вот и **давай куражиться** [КУРАЖЛИВЫЙ, IV]; Пьяные **напьются** и **нагрубиянят** друг другу, между собой **грубиянятся** [НАГРУБИЯНИТЬ, III]; А **счас неинтересно**. Молодёжь **водку пьют**, **драка** бывает, **палисадники ломают**, с палками да солдатами бегают [НЕИНТЕРЕСНО, VIII]; **Когда было отцу лет двенадцать**, он всё с **попом**, а **токо водку пили**, гуляли, чужих **попадьёв гоняли**... [ПОПАДЬЯ, IV]; **Нонче напились все**. У нас сегодня **раздребезжили дрова** [РАЗДРЕБЕЗЖИТЬ, 2, VI]; А парень **выпимши** был, не понял, говорит: «Публика, не расходитесь, счас всё интересней будет». Ему надо было **стрельнуть в себя**, а он **зарядил**, мы и не знали. Он **стрельнул** – **осечка**... [ВЫПИМШИ, V]; Ты его **пьяного гони**, чтоб не **брякал лцино** [БРЯКАТЬ, III]; А ребята-то думали, что **напился мужик**, вот и **городит город** [ГОРОДИТЬ ГОРОД, V]; **Ну, а когда выпили по стопке да по другой**, это, уже **завеселили**... И дошло и **до матерных песен** [ДОЙТИ, 6, VI]; **Напьются**, **песни напевают матерски** и **всяки-разны** [МАТЕРСКИЙ, X]; **Облаять** – это уж **облает** **пьяна**, всяко **обзовёт**. Матерится она, такими худыми словами, всяко [СЛОВО, VI]; **Не дай Бог**, это вино **проклято**, как **вот у меня сынок**: он **обгавкат**, **обматерит**, это всё **напосле** какой-то **станет**, просто **стыдно** [ОБГАВКАТЬ, VIII]; А он говорит: «Я никак не могу, раз я **нехороший в вине**» [ВИНО, VII]; Он **пьяный-то ить чёрт настоящий**, рога **приделать** [ПИТЬ, X]; Она **худа пьяна**, **ицбко худа**. Так раз схватила **пелемяницу** за волосы – и **тащит** [ПЕЛЕМЯНИЦА, V];

4) обнищание пьяницы и его семьи: У, **гад! Пропил всё**, а **теперь ползком ползаешь!** Не будет тебе **мова** прощения [ПОЛЗКОМ, IV]; А **то все деньги в бутылку склал**, **все деньги пропил** [СКЛАСТЬ В БУТЫЛКУ, X]; Тут не знай, как **копейку заработать**, а они **пропивают** [...] Они все мужики тут **пьют да гуляют** [ПРОПИВАТЬ, IV]; Муж – **пьяница несусветный**: **чё зарббит**, то **пропьёт** [ПЬЯНИЦА¹, IV]; **Вырабатывает** [сын] **каку-то нефту богату**. А **чё толку?** **Винишко** было, **приедет**, **попропьёт** всё [ПОПРОПИТЬ, VI]; Мужик **все справки пропил**, **попродавал**, и я **осталась без пенсии** [...] Так **вот**, старика **выгнала**, не стала с ним **жить** [СТАРИК², IV]; Он **гармонис** **присмёртный**, **плясун** – **всё**, **говорит**, **пропью**, а **баян** не **пропью** [ПРОПИТЬ, VII]; Я **теперь мечтаю**: **кабы** **знал**, когда **умрёшь**, я **продал бы его** [дом] да **пропил бы** [МЕЧТАТЬ, V]; У **которых** не было **бань**: **лень** **строить**, нет **возможности** или **пропьётся** [ПРОПИТЬСЯ, III]; **Дрова увезут**. **Пропьёт**, **ничего не везёт** [УВЕЗТИ, IV]; **Нет ничё**, **голы-босы**, а **сами пьют** [ГОЛЫЙ-БОСЫЙ, V]; **Какой он хозяин!** Ему **виши гасник переели**: **денег в дом не носит**, **пьёт**, **толку от него нет!** [ВОШЬ, VIII]; Муж – **пьяница**. Ну, **где для пьяницу место?** **Уехали**, **всё** [хозяйство] **размотали** [РАЗМОТАТЬ², VI]; Мне **двадцать рублей** [пенсии] **хватает**. Это **кто** в **бутылку заглядывает**, так **тому не хватает**, а **мне хватает** [ЗАГЛЯДЫВАТЬ, X];

5) двойственное отношение общества к пьяному как недостойному человеку: с одной стороны, он должен

быть наказан, с другой, он не может защитить себя от различных посягательств: *Решили, что ежели товарищ Палкин будет замечен в пьянке, безо время будет снят с работы без правления колхоза* [ПЬЯНКА, 2, X]; *Все запиваются, мы их лишидм. Надо сурьёзность к себе применить* [ЗАПИВАТЬСЯ, VI]; *Чё тут равнять с городом? Пьяный свалился – и голый проснулся. А у нас столкнут в сторону. Очистят и надолбят ешиш* [ОЧИСТИТЬ, III]; *Он натился пьяный, с его сняли кольцо* [СНЯТЬ, 3, VI]; *Повеселиться надо. Но вторкаться в самую пьянку... Меня набили вот так и так* [ВТОРКАТЬСЯ, V].

Не менее подробно описывается влияние пьянства на девиантные межличностные отношения. Прежде всего информанты подчеркивают разрыв внутрисемейных связей на фоне того, что многопоколенная семья – одна из высших ценностей для традиционной культуры. Итак, результатом деформации питейной традиции становится:

1) распад семьи: *Пил-пил, и она сказала: «Не надо мне такого мужа»* [МУЖ, VII]; *Ну, он пил, упивдл. Она скоко прожила с ём да разоилась* [УПИВАТЬ, VI]; *Упиват. Ну и она упивдла. Они расхотились, а потом сходились* [СХОДИТЬСЯ, VII]; *Сын у знакомых, дак он, видишь, с пути сбился. Пил, пил, и с женой разоились* [СБИТЬСЯ, VIII]; *Он худой пьяный – и разоились от. Ну, она любила подружить с другими, правда* [ПОДРУЖИТЬ, 2, VI]; *Пил у той-то жене, она его выгнала* [ВЫГНАТЬ, VII]; *Он взял да и уиёл к ей на квартиру. Вот чё удрал! Она всё повытрясла у его, всё порасташишдла. Он упивать стал. Пошло у их шумно всё. Она его выгнала* [ШУМНО, 1, VI]; *Мужа-то схоронила в Микоду. А потом приняла в дом другого. Он стал, лешак, пить, я его и погнала* [ЛЕШАК, VIII];

2) принципиальная невозможность счастливой семейной жизни с мужем-пьяницей: *Это самое несчастье с пьяницей жить* [ЖИТЬ, 5, VI]; *Золовка моя была в девках, молдёнды, принесла девочку. Я говорю: «Лучше посидеть в девках, чем какого-то пьяницу...»* [В ДЕВКАХ, X]; *С дочерью живу, замуж [второй раз] не попала. Куды с детьми? Свои не нужны, а чужд... Только забулдыжного ждуть в дом* [ЗАБУЛДЫЖНЫЙ, III]; *Что, она будет с нём выпивать? Да на чёрт ты мне сдался, я ещё с тобой, пьяницей, стану [жить]* [СДАТЬСЯ, X]; *А второй-то [муж] жил, пил, так и жизни не было, не пошло. Не повезло* [ЖИЗНЬ², IV]; *Она молода была, дак отец её замуж не пустил, а потом сватался один, дак он уж больно пьянющий был: пьёт и пьёт, денно и ноцно* [БОЛЬНО, X];

3) невыносимая жизнь членов семьи и прежде всего детей: *Не знаю, что с детями. Отец у их пьяница, шибко пьёт* [ПЬЯНИЦА¹, IV]; *Родители тоже пьянствовали у неё, пили. Чё она хорошего видала?* [ВИДАТЬ¹, 4, VI]; *Всё ведь на их [детей] глазах: и пьянки, и драки. Они, говорят, дерутся каждый вечер* [ДРАКА, IV].

Интересно отметить, что ответственность за пьянство или трезвость мужа традиционная культура однозначно возлагает на жену: *Хотели за Катюшку свататься. Ну, та бы его в руках дорждала. Михаил говорит: «Это всегда у жены, в руках тебя дорждит, лишний раз не пушит [выпить]»* [РУКА, VI]; *Сын мой*

средний выпить любит. Вот жена его в леченье отдала. Не стал он пить [ОТДАТЬ В ЛЕЧЕНИЕ, V]; *Раньше были пьянчуги, тоже запивдлись. Другой бы мужчина так бы не пил – так она его втравляет* [ВТРАВЛЯТЬ, III]; *И мой-то [сын] там остался, так угодила жёнущка, пил, пил и умер* [ПИТЬ, VII]. Возможно, подобная позиция связана с тем, что деньгами на постоянные траты и нужды в крестьянской семье ведала именно жена: *Деньги все у женских. А мужики с прискокками бегут, женски покупают вино* [ЖЕНСКА, VI].

Во второй половине XX в. алкоголь начинает выступать в среднеобских деревнях в функции всеобщей меры стоимости, т.е. **заменяет деньги**: *Может, привезут кто-нибудь [доски]. Просить надо, выписать ли. А всё скажут: «Есть выпить?»*, *подишдквивают всё* [ПОДЦАЛКВИВАТЬ, VI]; *А я пошла ворожить к маленькой бабочке, а она говорит: «Покупай мне вина»* [ПОЙТИ, 10, VI]; *Она попросила его лечить. Заплатила ему прекрасно. То ли бутылки ставила, то ли денег много выложила* [ПРЕКРАСНО, VI]; *Потом картошку мне попололи – тоже бутылочку. Разрасходовала. Ещё одна [осталась]* [РАЗРАСХОДОВАТЬ, VI]; *Придётся вам красненьку покупать. Ну, вот, а ему, это, пропололи* [КРАСНЕНЬКАЯ, VI]; *Коля на работе был, а им шифер привезли: «Давай бутылку!»*, – *требуют. Вот видишь, как жись теперь* [БУТЫЛКА, VII]. Ю.С. Степанов, правда, настаивает на том, что данная традиция только кажется современной, меж тем как корни ее уходят еще в русское средневековье, и приводит постановление 1699 г., где объявлены преступниками те, кто «вино дает за работу или мастерство больше ведра» [4. С. 307].

Контексты свидетельствуют о нередких случаях **воровства** у соседей самодельного и купленного алкоголя: *Я у него наловил это... В кладовке водка была, в ванне стояла. А я залез на крышу, удочку сломал, сделал петельку, как белок-то ловил* [НАЛОВИТЬ, VII]; *Это фулиганьё. Они брагу утощут залезут, так я замыкаю избушку* [ИЗБУШКА, 1, V]; *На другой раз пришёл, две-то бутылки свистнул, видно* [НА¹, 9, VI]; *Семь бутылок осталось. Там прошло сколько время, я спускаюсь – у меня пять* [СКОКО, 2, VI]; *А до этого у меня уташишдти водку из подпольев* [ИЗ, VI]; *Она меня сильно огорчила: у ей потерлась бутылка водки... Теперь, значит, она говорит: «А чё это, чё это, твой внук»* [ОГОРЧИТЬ, VII]; *У Моти брагу украли, она Тане рассказала, а та, видно, при Ольге рассказывала. Таня, видно, Ольге сказала, а та мне: «А ты, баба Вера, долгоязика, ты уж бабе Моте передала»* [КВАСОК, 2, VI].

Словарные материалы фиксируют и **борьбу с алкоголизмом**, разворачивавшуюся в России во второй половине XX столетия с переменным успехом. На уровне правоохранительных органов преследовалось самогонварение, нарушающее монополию советского государства на производство алкоголя:

1) в связи с этим распространилось доносительство: *Брагу-то ишь боязно делать счас, прям страшно. Кто-нибудь попадёт под руку* [ПОПАДАТЬ, VI]; *А сосед узнал, взял и доказдл. А брагу сделали в бутылки. Ну ладно, доказдл* [ДОКАЗАТЬ, III]; *У тебя гово-*

рят, брага есть, **сосед доказывает**, а по доказу мы должны проверить у тебя [ДОКАЗ, V]; **Одна на одну стали доказывать**. Доказывать, что у тебя брага есть [ДОКАЗЫВАТЬ, X]; Народ-то у нас какой пошёл, друг на дружку доказали, милиция приехала, всю бражку вылили [ДОКАЗАТЬ, V];

2) милиция производила обыски и изымала самогонные аппараты и произведенный алкоголь: *Теперь ходят пишут насчёт самогонки*. Из городу приезжал, допытывал. Из-за их жёнищину забрали [ДОПЫТЫВАТЬ, X]; Одеся в гражданску одёжу и говорит: «У вас нет ничего выпить, продать?» А она: «Есть». Ну и **вытаскиват** бутылку. «Продайте бутылочку спиртного. Сколь за неё?» Она говорит: «Двадцать пять рублей». А он **утаскиват корочки: сотрудник** [ВЫТАСКИВАТЬ, 1, VI]; Оне [милиционеры] пришли и захватили его, он **гонит самогонку** [ЗАХВАТИТЬ, 3, VI]; У него **брызги нашли да вылили**. Сяе же строго из-за бражки-то [БРАЗКА, VII];

3) злостных самогонщиков штрафовали и даже судили: Он **наладил брагу**, да девчонкам понёс, поташищл. Его поймали [...] **Топерь припасай, штраф сдерут** [ПРИПАСАТЬ, VI]; Киномеханика **посадили, год дали**. Говорят, девчонок поил [ПОИТЬ, 1, VI]; А Петя-то изрядно закладывал и попал. **Посадили, три года дали** [ЗАКЛАДЫВАТЬ, 3, VI]; А в газете было: в Курлеке за полторы литры **три года** старухе [дали] и махротья-то все продать [ЛИТРА, VI];

4) хронических алкоголиков направляли на принудительное лечение: *Кольку-то нонче лечить от пьянки удумали: пьют. Как работа?* [ПЬЯНКА, IV]; Я не от псду **лечилась**, а от **алкоголя**, антабусом. Восемь реактив мне делала. Тяжело [ПСИХ¹, X]; Она была то учётчиком, то бригадиром, ну а счас она (наши её всё угоищали, приглашали там, ценили, ну, она пила да курила, да, от вишь, спилась) в **алкогольке лежит**, где-то **лечится** [АЛКОГОЛЬКА, V]; Дорвался до бочки и в бочке лежит. Через вино и **энта** пострадала, и **лечится**. Пьёт и пьёт, и умом испортилась [БОЧКА, V]; **Сын мой средний выпить любит**. Вот жена его в **лечение отдала**. Не стал он пить [ОТДАТЬ В ЛЕЧЕНИЕ, V]. Впрочем, лечить от пьянства в среднеобских селах пытались и помимо больниц и ЛТП, подручными способами: *Которы свиначим молоком пьяницев поили, чтоб вино не пили, которы девки им веснушки сводили* [СВИНЯЧИЙ, X].

Описываемые старожилками факты служили фоном, на котором как особое достоинство человека воспринимается (прежде всего им самим) поведение, которое описывается в народной речевой культуре емкой формулировкой «не пьёт». Это выражение подразумевает, что человек вообще не употребляет алкоголь или всё же пьёт спиртное, но редко и в таких дозах, которые не вызывают описанного выше девиантного поведения. (Циничные утверждения, что непьющих людей не существует вовсе, высказываются диалектоносителями крайне редко: *Винишко вытыват. Один не пьёт – у кого денег нет да кому не подают* [ПОДАВАТЬ, VII].) Итак, среднеобские словари позволяют вычленить несколько воплощений общей формулы:

1) полное неприятие алкоголя самим информантом: **В рот не брал** этой чёртовой дряни. Я не только вод-

ки, **пива в рот не брал** [ЧЁРТ, X]; А ешо поматериваюсь крепко, а **спиртного не выпиваю**. Загибаю! [ЗАГИБАТЬ, X]; А тут соседи у нас: «Ох, опять, наверно, выпили». А мы **сроду**, даже раз в год по обещанию когда стопочку. Вообще **не пьянчужки** [ПЬЯНЧУЖКА, X]; **Никогда не пью**, я не пьяница, не забулдыжка, **не пью никогда** [ПЬЯНИЦА¹, IV]; **Вино, водку не занимался**, курить, пишет, мама, я бросил. Доверенность выслал [ДОВЕРЕННОСТЬ, VI]; Не будешь пить: кто нальёт-то? Я думаю, мне хоть налей, я **не стала глотать бы** [НАЛИТЬ, 1, VII]; Я же **не пью вино**, неудобно [НЕУДОБНО, 2, VII]; Чуть не пять лет на ссылке был. Билитировали. За то, что здесь сидел, документы есь. Ни с кем не ругался, держался за власть и **вина не пил**, а получился хуже всех [БИЛИТИРОВАТЬ, VI];

2) гордость родственников за члена семьи, как правило мужа или сына: Ну, из нашей-то родни **никого не было пьяниц**, все хороши были [ПЬЯНИЦА, VII]; У нас отец **водку не пил**, никогда нас не бил, не материл. До чё был хороший! [ЧЁ, VI]; Он у меня не скандальный, **не пьёт**, не курит, очень спокойный, хороший человек [ПИТЬ, 2, VI]; Муж-то у меня второй **немоглухой**. **Вина не пьёт**, только **немоглухой** [НЕМОГЛУХОЙ, V]; У Олежки **оклад двести пятьдесят, водкой не зашибатся**, **помогат**, пока **неженатый, холостой** [НЕЖЕНАТЫЙ, VII]; А зять-то разошёлся, он не пьёт, непьющий, хороший [ЖИТЬ-РАЗОЙТИСЬ, IX]; У Зойки муж **трезвой** – золото не мужик [ЗОЛОТО, 3, VIII];

3) констатация факта относительно односельчан, которые воспринимаются информантом как «свой» (члены «мы-группы»): У нас **немтуха вот здесь есть**. Хороша **женищина**, она **девка**, ей уж пятьдесят пять лет. Она **непьющиша, негулящиша**. Работница была хороша, работала в колхозе [РАБОТНИЦА¹, IV]; Он **водку не зашибат** [ЗАШИБАТЬ ВОДКУ, III]; В ей семье есть. Мужик, двое детей. Хороший, говорят, мужик, **не кидтса за вином** [МУЖИК, 2, VI]; Гуляли мало. Он не гулеван был, **не пьяница**, такой смирёный [ГУЛЕВАН, IV]; Вот этот **пьёт**, а вот те ребята **не такие** [ЭТОТ, VI];

4) описание неких причин и фактов, в силу которых прекратилось обращение к алкоголю: **Как схоронила теперь деда да сыночка**, ни вина пить, ни плясать не стала [СХОРОНИТЬ, VII]; Отец со сватом спирту **напился** – и **давай гореть с него**. **Насилу откачали**. С тех пор и не стал пить [НАПИТЬСЯ², IV].

Этот полюс моральных оценок уравнивается осуждением пьющих: А ему чё? Пошёл счас к Ваське, да и **напцлси**. Утром-то я его **хорошенько взгрела**. «Ты чё, – говорю, – не холостой теперь!» [ВЗГРЕТЬ, III]; Пьянушиный опять. **Ругать его надо хорошень**, ли как ли. Мёд-от продал он, **пензию получают обои**. А куда денъги девать? Детей нет, ни внучат, никого. Вот и пьют [ПЬЯНУЩИЙ, III]; Наташа говорит: «Дядя Лёша, **тётя Надя**, идите мамку **поругайте**, она пьёт». А мы, – говорят, – как её будем ругать? Мы ей не отец и не мать. А они научили её: иди, говорят, к участковому и позови, чтоб он ей дал хороший **наказ** [НАКАЗ, VII]; Я дак, например, **никого так не зову**. Вот **пьяницев** называю, **ругаю**, потому что **пьёт каждый день**, лезет в глаза [ВОТ, ОТ, 12, VI]; Я счас **моло-**

дѣжь **ругаю** за выпивку. Говорю: «Что вы за выпивку взялись?» [ВЗЯТЬСЯ ЗА ВЫПИВКУ, V]. Что касается информантов, имевших когда-либо тесные отношения с пьяницами, то их позиция намного категоричнее: *Ну и пусть все пьяницы околевают* [ОКОЛЕВАТЬ, X]; *Пьянчуга – пьяница, а пьяница – туда и дорога* [ПЬЯНЧУГА, IV]; *Они его ненавидят по рукам и по ногам: он пьяница* [НОГА, VII].

В заключение отметим, что томские словари фиксируют и факты совсем недавней истории страны: в них отражена и знаменитая антиалкогольная компания 1985 г. (*Не дай Бог это вино! Сейчас хорошо от Горбачёв издал. Надо было лет за двадцать это изничтожить. Народу бы много живого было* [ИЗДЕЛАТЬ, 3, VI]; *Это бы вино совсем бы итменгли. Только резьба, драка да убивства. У нас этого не было* [УБИВСТВО, II]), и талонная система продажи алкоголя начала 1990-х гг. (*Говорю: «Аня, так и так, говорю, Нина твоё вино выкупила, Коля свою бутылку сам выкупил»* [ТАК, VI]).

Таким образом, гипертекст словарей делает возможной довольно убедительную реконструкцию питейной традиции, которая предстает в культуре старожильского населения Среднего Приобья в качестве многоаспектного феномена. На протяжении XX столетия данная традиция претерпела значительную деформацию в совершенно определенном направлении. Это – размывание всех запретов: возрастных, гендерных, темпоральных, каузальных. Последнее поясним как снижение уровня мотивов употребления алкоголя, которые уже не имеют сакрального характера и даже не преследуют цель снять физическое или моральное напряжение (*Нельзя не выпить хоть по рюмке с устатку* [УСТАТОК, X]). Поводы для употребления алкоголя становятся все более профанными, мелкими, сиюминутными: *Выпил бы для аппетита, так налил глаза* [НАЛИТЬ ГЛАЗА, III]; *Выпьем для знакомства* [ЗНАКОМСТВО, X]. К концу века поводом для употребления алкоголя может расцениваться получение или наличие денег: *Счас ни будни, ни праздника: **получка** – пьянка, **аванс** – пьянка, бутылку в карман – и пошли* [АВАНС, VII]; *А мужики – как **получка**, так праздник. Жена если не успеет отобрать [получку], нахлѣстается* [НАХЛѢСТАТЬСЯ, VII]; *В месяце по два раза праздник был. Это счас водки нет, так и праздники отошли* [ОТОЙТИ, 5, VI]. Так деформируется и суть сакрального времени.

Неизменным остался, пожалуй, только один аспект традиции: даже в минимальной степени значимое (сакральное) застолье по-прежнему немислимо без алкоголя⁴: *Часто танцуют, играют. Баян был. Потом опять требуют стол. Всё исключительно сладкое. Всё как на воздухе. Четвёртый стол – чай. Самогоночку*

пили. Он, наверное, крепенько жил [КРЕПЕНЬКО, V]; *Во время гулянки **винишко** выпивали, самогонку знали* [ВИНИШКО, II]; *Соберут народ, банкетывают, гуляют, пьют **вино*** [БАНКЕТЫВАТЬ, II]; *Я ему всё напекла, наложила. Друзья **наташишли вина**, колбасы* [НАТАЩИТЬ, VII]. Отсутствие по каким-либо причинам алкоголя⁵ или малое его количество воспринимается как позор для хозяев и неуважение к гостям: *Приехал, а у нас **мало выпивки**. Ой, дак я бы не знай, куда бы **скрыла глаза!*** [СКРЫТЬ, VI]; *Я угоищаю, другой – он навѣтсѣ. Вот если приехал какой-нибудь, всё изостдѣв, а **вина не будет** – **это не угоищенье*** [УГОЩЕНЬЕ, IV]; *Выходила замуж, вина не было на свадьбе. **Ну и свадьба без вина!*** [СВАДЬБА, VII].

В заключение подчеркнем следующее: диалектные словари, еще по мысли В.И. Даля, должны научить читателя понимать жизнь народа. При том, что этот принцип разделяется всеми поколениями лексикографов, описывающих русские говоры, существует определенная разница в принципах организации материала в лексиконах. Современные словари этнографически насыщенной делают иллюстративную часть, в то время как в старых словарях она сосредоточивается в самой дефиниции. С правильностью победившего принципа заставляет согласиться многотомный среднеобский лексикографический проект: храня крестьянское многоголосие, он позволяет убедительно реконструировать тот или иной фрагмент культурной традиции, которая является вариативной и территориально, и хронологически. В целом областные словари – самый доступный на сегодняшний день источник диалектной лингвокультурологии, сохраняющий аутентичность взгляда носителей культуры, свободный от инокультурного восприятия и каких-либо инокультурных трактовок. Неслучайно еще в 30-е годы XX в. немецкие диалектологи настаивали, что «языковое сообщество позволяет создать однородное понимание и оценку процессов и впечатлений и тем самым того, что воспринимается как нечто само собой разумеющееся – взаимопонимание относительно того, что происходит внутри данного жизненного пространства» [7. С. 145]. При этом в собственно «этнографических описаниях соизмеримость материала достигается далеко не всегда: бывает заметной некоторая суммарность, «обескровленность», прихотливая избирательность, неполнота рядов, умолчания типа «и тому подобное» [8. С. 200]. При этом даже традиционный диалектный словарь, где лексика, как правило, представлена в порядке, не имеющем никакого отношения к языковым структурам, если рассматривать его как гипертекст со многими «входами», оказывается намного адекватнее тому, что называется термином «картина мира».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Статья 1 опубликована в «Вестнике Томского университета». 2006. № 291.
2. Здесь и далее после заглавного слова словарной статьи арабской цифрой отмечено значение многозначного слова, римской цифрой – томский словарь.
3. Ср. с описанием технологии, приведенным в этнографической работе: «Из напитков особенно популярными были квас, брага и пиво. Квас и брагу делали из овса, ржи. А пиво только из ржаного сула. Хранили в глиняных корчагах, бондарных кадках, жбанах – лагунах, берестяных туссах. Сусло приготавливали способом, распространенным у русских крестьян Европейской России и Сибири. Сначала получали рощу – держали ржаное зерно в воде до тех пор, пока не прорастет. Затем рощу сушили и мололи. Размолотое зерно называли солодом. По мере необходимости солод парили в глиняных корчагах в печи. На это время устье печи закрывали заслонкой и замазывали наглухо гли-

ной. Распаренный солод разводили водой и процеживали через холст в длинном долбленом корыте – русле. Полученную таким способом темную сладкую жидкость называли суслом. Сусло ели с кашами и киселями, по мере надобности употребляли на пиво. Для получения пива в сусло добавляли хмель (иногда хмельную закваску), сушеную свеклу (от этого пиво приобретало черный цвет и было слаще) и парили в печи. После этого пиво еще квасили в прохладном месте в прохладном месте 4–5 дней. Сахар при этом не клали. Овсяную брагу готовили из овсяного солода с добавлением незначительного количества ржаного. Солод парили с хмелем. Приготовление этой браги аналогично описанному способу получения пива. К употреблению она была готова через сутки» [3. С. 78].

4. Следует отметить, что высказывалось и мнение о том, что праздники не всегда «освящали» алкоголь: «“Привязывание” к праздникам обязательного пьянства – явление более позднее и само оно – результат распада всей этой сложной структуры организации времени, которая, по-видимому, в более давние времена обеспечивала нашему предку эмоциональное равновесие. И распад этот начался именно с сокращения времени праздников» [5. С. 175].
5. Сошлемся также на материалы Е.В. Иванцовой, которая пишет: «Завершают ритуал потчевания извинения хозяйки *«не взыщите с меня»* за недостаточно изысканные блюда, отсутствие чего-либо на столе: *«От вишь, даже и бражонку не подала»* [6. С. 144].

ТОМСКИЕ СЛОВАРИ

- I. (СРСГ) Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби / Под ред. В.В. Палагиной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1964–1967. Т. 1–3.
- II. (СРСГД) Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби (Дополнение) / Под ред. О.И. Блиновой, В.В. Палагиной. Томск, 1975. Т. 1, 2.
- III. (СП) Словарь просторечий русских говоров Среднего Приобья / Под ред. О.И. Блиновой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1977.
- IV. (МДС) Мотивационный диалектный словарь: Говоры Среднего Приобья / Под ред. О.И. Блиновой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1982–1983. Т. 1–2.
- V. (СС) Среднеобский словарь (Дополнение) / Под ред. В.В. Палагиной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983–1986. Ч. 1, 2.
- VI. (ПССГ) Полный словарь сибирского говора / Под ред. О.И. Блиновой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992–1995. Т. 1–4.
- VII. (ВС) Вершининский словарь / Под ред. О.И. Блиновой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998–2002. Т. 1–5.
- VIII. (СОС) Словарь образных слов и выражений народного говора / Под ред. О.И. Блиновой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001.
- IX. (СА) Словарь антонимов сибирского говора / Под ред. О.И. Блиновой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003.
- X. (СДП) Словарь диалектного просторечья Среднего Приобья / Под ред. О.И. Блиновой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003.
- XI. (ИССС) Идиолектный словарь сравнений сибирского старожила / Под ред. Е.В. Иванцовой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарева Л.М. Особенности языковой картины мира в ретроспективном дискурсе // *Studia linguistica XII. Перспективные направления современной лингвистики*. СПб., 2003. С. 233–241.
2. Калиткина Г.В. Удвоение временных планов в вершининском говоре: взаимосвязь языковой и концептуальной картины мира // *Современные образовательные стратегии и духовное развитие личности*. Ч. 2: Язык в социо-культурном пространстве. Томск, 1996. С. 103–107.
3. Чагин Г.Н. Культура и быт русских крестьян Среднего Урала в середине XIX – начале XX века. Пермь, 1991.
4. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М., 1997.
5. Касьянова К. А. О русском национальном характере. М., 2003.
6. Иванцова Е.В. Ритуал потчевания в традиционной народной культуре // *Теоретические и прикладные аспекты филологии*. Томск, 2004. С. 141–145.
7. Радченко А.О. Понятие языковой картины мира в немецкой философии языка XX века // *Вопросы языкознания*. 2002. № 6. С. 140–160.
8. Журавлев А.Ф. Диалектный словарь как этнографический источник // *Языкознание: взгляд в будущее*. Калининград, 2002. С. 194–205.

Статья представлена кафедрой русского языка филологического факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Филологические науки» 15 ноября 2006 г.